

Е. М. ЗАЛКИНД

ИЗ ИСТОРИИ ОБЫЧНОГО ПРАВА ЗАПАДНЫХ БУРЯТ

Во второй половине XVII в. и особенно к концу столетия местная администрация, взявшая в свои руки судопроизводство среди бурят и вынужденная при этом считаться с существовавшими у них правовыми нормами, проявляет значительный интерес к обычному праву обитателей Прибайкалья. Насущными потребностями было вызвано составление «Скаски», значение которой как исторического источника было высоко оценено в нашей литературе¹. Почти одновременно со «Скаской», в 1699 г., был составлен тайшами и «лучшими людьми» многих западнобурятских родов первый писанный свод обычного права западных бурят, в течение недолгого времени применявшийся в судебной практике иркутских воевод. К сожалению, от этого первого свода пока найдены лишь три небольших фрагмента².

Научное значение этих ранних памятников обычного права бурят хорошо выяснено С. А. Токаревым³. Они снабжают нас многими сведениями, ценными для исследования общественного строя западных бурят, в ту пору еще сохранявшего ряд архаических черт, в частности рабовладение, почти не зафиксированное в более поздних документах. Поэтому всякая публикация вновь обнаруженных документов не может не привлечь к себе внимания исследователя, интересующегося прошлым Бурят-Монголии.

Именно эти соображения и побуждают нас ввести в научное обращение несколько документов, отражающих правовые нормы западных бурят в конце XVII в.⁴. Считаю нужным оговориться, что настоящая статья отнюдь не претендует на исчерпывающее освещение темы, затрагивая лишь некоторые вопросы, нашедшие отражение в нашем документальном материале.

Большая группа дел связана с уплатой выкупа за убийство и увечье. Как можно судить по документам, случаев кровной мести в это время не встречается совершенно и за убийство полагался лишь выкуп (анза). Однако в случае неуплаты анзы еще не исключена была возможность кровной мести. Об этом говорится в челобитии потомков «Балаганского острогу мужика Зивы» на убийцу их отца: «Велите государи... ево Харина казнить смертной казнью или взять нам на нем Харине за него Зиву по нашим братским правам головушку полную, как у нас ведетца, чтоб впредь у нас в том иного смертного убийства не учинилось»⁵.

Размер анзы не был твердо установленным. В одной мировой записи 1690 г. указывается: «...договорились взять нам... за убийство отца моего поголовщины по своему иноземскому извычаю и по правам двести двадцать скотин конни и рогатым скотом»⁶. Однако этот «извычай» допускал значительные колебания. В 1689 г. ясаший бурят Алачей помирился с убийцей своего брата Тутагаем, на поголовщине 300 голов скота⁷. Также 300 голов заплатили в 1689 г. за «убойную голову» буряты Олзенского рода⁸. В другом случае, в деле об убийстве, совершенном из озорства, стороны договорились об уплате 150 голов⁹. Наконец, мы встречаемся и с определением истцами поголовщины в количестве 120 скотин, опять же со ссылкой на «их братской извычай»¹⁰. Но и это не низшая грань: в документе, изданном С. А. Токаревым, указан вдвое меньший размер анзы — 66 голов¹¹.

¹ С. Токарев, Памятник обычного права бурят XVII века, «Исторический архив», II, 1939.

² Публикуются нами в «Ученых записках Ленинградского гос. университета».

³ С. Токарев, Указ. раб., предисловие.

⁴ Все ссылки, где это не оговорено особо, даются на материалы фонда Иркутской приказной избы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (Москва).

⁵ № 257, л. 2.

⁶ № 181 (ст. 587), л. 19.

⁷ № 133 (ст. 157), л. 9.

⁸ № 509 (ст. 587), л. 18 а.

⁹ № 301 (ст. 432), л. 56.

¹⁰ № 538 (ст. 184), л. 8.

¹¹ С. Токарев, Указ. раб., стр. 33.

При иске за убийство сородича размер поголовщины опускается значительно ниже этих цифр. В одном подобном деле поводом к убийству послужила ссора из-за мелких краж скота. Отсюда можно заключить, что случаи похищения собственности сородича уже встречались в бурятском обществе того времени. Более того, упомянутое дело свидетельствует, что не только убийство чужеродца, но и смерть, причиненная намеренно члену своего рода, оплачивалась поголовщиной. Истец, принадлежавший, как и ответчик, к Бабаевскому роду, заключает мировую словами: «... и я Куячка на нем Галбанке по нашим брацким правам за свойство, как и в иных родах бывало, за отца своего иск свой весь сполна взял при многих брацких людях и впредь мне Куячку на него Галбанку... не бить челом и отца своего убийственной головы не отыскивать, потому что и в иных родах во Батаноцком и в Кубурдеевском и в Балаганском в Онгоетовском родах бывали такие убийства промеж собою и больших головщин не бывало, потому что за свойство»¹². Подтверждением может служить мировая 1690 г. по делу об убийстве бурятом Онгоева рода своего однородовича, по которой размер анзы определялся всего в 20 голов скота¹³. Очевидно, подобные дела не раз возникали в прошлом, если к концу XVII в. успела сложиться определенная традиция, на которую содержится ссылка в цитированном документе. Эти материалы являются ярким свидетельством далеко зашедшего разложения родовых отношений.

Значительно меньшим был выкуп за холопов. Здесь действовал принцип: голова за голову. Бурят Ченоруцкого рода Конко Ковин бил челом на бурята Хенгельдурского рода Шарому Камнагадаева, ложно обвинившего его в убийстве двух белых холопов. «А взял с меня холопа твоего он Шарамойка за тех вышеписанных поклевных холопей двоих холопей моих да три скотины: быка большово да корову добрую да коня доброу»¹⁴.

Наряду с поголовщиной за убийство, полагался выкуп, гораздо меньший по размеру, за нанесение тяжелых побоев и членовредительство. Примеры этому довольно многочисленны. В 1690 г. бурят Онгоева рода Цакур Чохуев взял с обидчика за увечье, причиненное своему отцу, 20 скотин¹⁵. Верхоленский мужик Бодохой Бахутов получил 15 голов скота «за его изломленную руку»¹⁶. Анза в 20 скотин была взыскана с бурята Харбатовского рода Тыкея «за бесчестье и за увечье руки»¹⁷.

В некоторых случаях выкуп за увечье рассматривался как возмещение расходов на лечение. В 1696 г. «верхоленской ясачной брацкой мужик Кайтальского роду» Аласей Данчеев, возбуждая иск против ясачного же мужика Ченорутского рода Хобона Тужеханова («бил он Хобон меня, холопа твоего, изувечил и пинал меня и топтал под грудь и разбил печень»), подкрепляет свой иск приложением росписи скоту и деньгам, израсходованным на «лечбу»¹⁸. Бурят Хонгодорского рода Херенцей Додоков бил челом на своего однородовича Угуя Багуева: «В прошлых годах наехал на меня он Угуий напрасно и бил и увечил и приломал голову всю. И от того убийства лечась, я издержал своего скота семь скотин...»¹⁹ Претензии Додокова ограничивались взысканием 7 голов, без всякой доплаты за увечье²⁰.

Однако общей нормой обычного права было требование уплаты анзы за членовредительство. Указание на это находим в челобитной бурята Онгоева рода Саяхоя на его однородовича Зимей, «...он Зимейко... бил отца моего Челоя смертным боем и бив голову проломил и коня под ним резал. И ныне отец мой Челой от тех его зимейковых побой лежит болен и скорбует третий год... Велите, государи, по розыску в том... за увечье отца моего и за пролежные годы по нашему иноземскому извычаю доправить скотом»²¹.

Анза уплачивалась не только при преступлениях, направленных против личности, но и в качестве штрафа за кражи, главным образом за похищенный скот. И здесь размер анзы обнаруживает некоторые колебания, но преобладает цифра в семь голов. Утверждение: «по их иноземской вере за тое (украденную) лошадь анзы семь лошадей»²² — вполне соответствует истине. Однако в одном документе находим: «по на-

¹² № 203, л. 24.

¹³ № 182 (ст. 236), л. 7.

¹⁴ № 405 (ст. 521), л. 15. На резко проявляющуюся градацию между свободным и рабом указал уже С. А. Токарев (Указ. раб., стр. 41).

¹⁵ № 182 (ст. 236), л. 7.

¹⁶ № 301 (ст. 432), л. 73.

¹⁷ № 452, л. 13.

¹⁸ № 250, л. 28.

¹⁹ № 324, л. 8.

²⁰ «Увечного должен обидчик за свой счет вылечить», — предусматривают обычаи западных бурят. У хоринцев соответствующее положение более детализировано: лечение производится за счет обидчика, но если больной в течение 6 месяцев не выздоровеет, то получает анзу в размере 50 голов. По получении анзы потерпевший и его родичи не могут более предъявлять какие-либо претензии, «хотя он умрет или выздоровеет» (см. «Сборник обычного права сибирских инородцев», издание Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876, стр. 98 и 112).

²¹ № 182 (ст. 236), л. 6.

²² № 360, л. 60—61.

шему иноземскому извычаю водитца вместо наказания за кражу на ворах на скотину по три скотины анзы имать»²³. Вообще штраф за кражи был у бурят значительно ниже, чем у монголов. Монголо-ойратские законы 1640 г. предусматривали анзу в размере 15 девятков скота за верблюда, 10 девятков за коня, 8 девятков за кобылу и т. д.²⁴ Это, несомненно, отражало более высокий уровень развития феодальных отношений у южных соседей бурят — монголов и ойратов. Что же касается самих бурят, то в их правовых установлениях отмечается на протяжении XVIII в. тенденция к снижению анзы, разорительно ложившейся на хозяйство. В начале XIX в. анза у бурят Идинского, Тункинского, Балаганского и Кудинского ведомств равнялась 4 головам скота, у верхоленских и селенгинских бурят — 3 головам, у хоринцев — 1 голове²⁵.

Стремление ограничить анзу и ликвидировать старые тяжбы ощущается и в опубликованной С. А. Токаревым «Скаске братских лутчих людей Соса Багунова с товарищи», где предусматривается за «воровство прежних голов взыскивать анзы по одной скотине за скотину»²⁶.

Что же являлся плательщиком анзы и кому она выплачивалась? В делах о краже ответственность носила индивидуальный характер: вор платил штраф потерпевшему. Но возмещение за убийство было часто непосильно для одного хозяйства, и при уплате анзы виновному помогали его ближайшие родственники и сородичи.

В уже цитировавшейся мировой челобитной 1690 г. содержится прямое указание на круг плательщиков анзы: «и ныне мы, холопы ваши, меж собою сыскав правду, помирились, а на миру договорились взять нам Харатуйку да Кибыкенку на них Буре с братьями и с родом за убийство отца моего поголовщины»²⁷. В указе окольного Ф. Головина по одному делу об убийстве находим: «...а за поголовщину, чтоб меж братьями ссор не было, взять с того рода, которого тот убоец, поголовщины сто двадцать скотин, чтоб то было братским людям не в тягость»²⁸.

Что род в целом нес ответственность за убийство, совершенное сородичем, — даже в том случае, если его связи с родом давно порвались. — свидетельствует следующий любопытный документ: «Великим государям... бьют челом верхоленские ясашные брацкие мужики шуленга Аню Батунаев с родники своими. В прошлом, государи, во 160 (1652) году брацкий мужик Модзи Олзенова роду дался в срок к брацкому ж мужику к Оленге да к Обызаю. И он Оленга выдал за него Моджи нерестку свою за муж. И прижил он Моджи с тою женою своею, а с его невесткою трех сыновей, большего сына зовут Баенга. И тот его сын Баенга в прошлом во 196 (1688) году весною их Обызаева и Оленгина роду убил мужика, именем Табу. И в нынешнем, государи, во 197 году они Обызай и Оленга били челом... в том убийстве мужика своего, будто он Моджи ушел к ним из нашего роду. А он Моджи не нашего роду и живет у них со 160 году и по се число и с детьми от нас в дальном розстоянии, днищах в двух... И по тому их ложному челобитью велено на нас за убийство мужика Табу доправить коней и рогатого и всякого мелкого скота доброво двести двадцать скотин напрасно, потому что он Модзи ушел к ним и дался в срок не из нашего роду, а родники его, которые были, и те все примерли»²⁹. Не вдаваясь в разбор существа дела, следует отметить, что полный отрыв на протяжении 37 лет от рода не снимал, с точки зрения истцов, с последнего ответственности за действия его сочлена. И никакого значения не придается тому, что фактически убийца вырос в том роде, против которого он совершил преступление, и был связан с ним родством по матери. О силе традиции свидетельствует то, что ответчики не пытаются поколебать самый принцип и всю свою аргументацию сводят к тому, что Моджи «дался в срок» не из их рода.

Взыскание поголовщины производилось в пользу ближайших родственников убитых по мужской линии: сыновей, братьев и т. д. Но свидетельством значительного уже потрясения основ родовых отношений к концу XVII в. является то, что встречаются случаи, когда анза выплачивается жене потерпевшего. Так, мировую, определяющую размер годовщины за убитого мужика Зиву, подписывает его жена Аранзейко, которой и выплачивается договорное количество скота³⁰. Косвенным указанием на новизну этого явления может служить то, что хотя Аранзейко и выступает вполне самостоятельно при заключении мировой, в иске, предъявленном убийце, она ставит на первое место имя своего сына.

Существовал определенный порядок выплаты анзы, не допускавший расчета скотиной низкого качества. Полагалось вносить выкуп «по третям», т. е. равной долей

²³ № 236, л. 75.

²⁴ К. Ф. Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 г., СПб., 1880, стр. 47.

²⁵ Д. Я. Самоквасов, Указ. раб., стр. 72, 95, 129, 151.

²⁶ С. Токарев, Указ. раб., стр. 46.

²⁷ № 181 (ст. 234), л. 19 (подчеркнуто намн. — Е. З.).

²⁸ № 538 (ст. 184), л. 9.

²⁹ № 538 (ст. 184), л. 14.

³⁰ № 257, л. 23.

хорошего, среднего и плохого скота. Упоминание одного из документов: «и у розделки взяли у него Бакунайка добрым и средним и плохим скотом по третям сто тридцать скотин»³¹ — является типичным.

Обычно переговорам об уплате анзы и ее размере предшествует угон скота потерпевшими у обидчиков или их ближайших родственников, что вынуждало последних идти на мировую. Во-первых, нередко угонялось большее количество скота, чем полагалось в качестве выкупа, во-вторых, постоянные набеги и похищения лишали обидчика возможности вести нормальное существование. В 1692 г. бурят Анной обвинял бурят Ользонского рода в отгоне у него из табуна 50 лошадей. Ответчики, оспаривая размер иска, признавали факт ночного нападения, объясняя его похищением у них скота Анюем. Судя по существовавшей традиции, их заявление, что они «брали за свои кони за кобылу кобылу, за коня коня», едва ли соответствует истине³². Заключению мировой по делу об убийстве в 1693 г. бурята Негугаева предшествовал угон скота у убийцы³³. Бурят Бохон Бурнуев жалуется на Бочехона Бухуруева, что последний, заподозрив его в краже лошади, «приехав с родом своим, угнали у него Бохонка осьмнадцать лошадей да рогатого скота осьмнадцать же скотин»³⁴. Не довольствуясь таким количеством скота, Бочехон «отнял сильно» у истца его сноху. На угон скота как на своего рода процедурную меру, предшествовавшую заключению мировой, прямо указывают в своем челобитии буряты Онкотоевского рода «А ныне проведали подлинно, что убил он Молахайко. И по своему буряцкому извычаю отогнали мы, холопи ваши, у племянника его Кульгунка табун лошадей, чтобы они за тем табуном пригнались и учинили с нами мир»³⁵.

Спорные дела решались двумя способами — третейским разбирательством и дальней шерти (присяги) на священных местах. В первом случае избирались одно или несколько лиц — «общая правда», на которых полагались обе стороны. Этот способ выяснения истины был, повидимому, не всегда надежен. Так, при разборе дела по обвинению бурята Харина в убийстве все три посредника дали первоначально показания в пользу ответчика. Но уже на следующий день они подтвердили факт убийства, объяснив свое поведение тем, «что вчера они сказали неправду для того, что говорили де им Култуну с товарищи братские люди, его Хариновы сородичи и хлебоядцы, идинской братицкой мужик Сосой Багунов с товарищи, чтоб де его Харина в допросе поберечь и подобрить»³⁶. Можно предполагать, что человек, имевший зависимых от него «хлебоядцев», мог подкрепить просьбы своих сородичей и соответствующими случаями дарами, влиявшими на беспристрастность «общей правды».

Более распространенной процедурой для определения виновности являлось принесение шерти. Повидимому, наиболее почитаемым местом для шертования был «Усть-Ангарский камень» (он же «Шеманский камень на морской стреме») — скала, стоящая посреди Ангары в ее истоке, еще и в недалеком прошлом служившая бурятам для дачи клятвы. Но упоминаются и другие места для шертования: шаманский камень ниже Верхоленска³⁷ и «Колон озеро»³⁸. Выбор места для дачи шерги зависел от местожительства тяжущихся и традиции. На силу традиции указывает значительно более поздний документ — приговор, вынесенный в 1823 г. главной конторой Верхоленского ведомства по тяжбе некоего Бодонцова с шуленгой Кужиновым: «...привести по иновечерскому обряду к божбе на шаманском месте, где пожелает проситель Бодонцов, но токмо где с издревле положено оные бывшим старейшинством в том же Верхоленском ведомстве называемых, выше Верхоленска и внутри ведомства в трех местах, а не в другом каком, ибо и по нашему братскому закону считается во вред отпущать божбу куда-либо в постороннее место»³⁹. Обряд шертования описывается следующим образом: «...и тот ясашный верхоленской Бакунайка у того шаманского камня по своей вере клялся и тот камень обымал»⁴⁰. Этот обряд сохранялся, судя по позднейшим этнографическим описаниям, вплоть до того времени, когда самое шертование стало отходить в область преданий.

Чрезвычайно интересно, что к шертованию приводился не сам ответчик или истец, а один из ближайших его родственников. Хотя шуленги нескольких родов в ответ на запрос острожной администрации показали, что «у них де иноземцов так водитца, что де в воле бывает у истца, хотя сам к шерти поедет или кого пошлет»⁴¹, но во всех документах, где речь идет о шерти, в качестве шертовальщиков фигурируют родственники тяжущихся. По делу о покраже овцы бурятом Гулюгуном к даче шерти был назначен его племянник Дарбай, но, поскольку последний отсутствовал,

³¹ № 301 (ст. 432), л. 58.

³² № 250, л. 6—9.

³³ № 301 (ст. 432), л. 56.

³⁴ № 182 (ст. 236), л. 3.

³⁵ № 181 (ст. 234), л. 9.

³⁶ № 257, л. 10.

³⁷ № 405 (ст. 521), л. 27.

³⁸ № 203, л. 25.

³⁹ Гос. архив Бурят-Монгольской АССР, ф. 4, № 1447, л. 35.

⁴⁰ № 143 (ст. 271), л. 24.

⁴¹ № 405 (ст. 521), л. 95.

он был заменен братом ответчика⁴². Истец Ильбей послал к «божбе» своего брата⁴³. По иску бурята Ченоруцкого рода Бакуная Алакова с бурята «Хенкыдырского рода» Тургана Музинова в 16 головах скота, недоданного в приданое, «к шерти был приговорен» дядя ответчика Турбей Болоев⁴⁴. Бурят Буяновского рода Баран Батахаев, возбуждая иск в покраденной овце, послал к шерти своего племянника⁴⁵. Лишь в одном деле ответчик изъявлял согласие явиться сам к шертованию и настаивал на личной же явке истца, но последний отговорился тем, что «приводить к шерти его, ответчика, своего холопа или сородича пошлет»⁴⁶.

В приводе к шерти сородича нетрудно обнаружить живые черты родового строя. Но обособление семьи, естественно сопутствовавшее разложению родового строя, которое к XVII в. зашло у бурят-монголов уже очень далеко, вызвало ограничение круга лиц, могущих шертовать за своего сородича, его ближайшими родственниками. Однако такое ограничение было, повидимому, недавнего происхождения. В этом свете показателен конфликт, возникший при посылке к шерти Алехчином Батахаевым, обвиненным в убийстве, некоего Машки Бакунаева. Истец отвел эту кандидатуру, ссылаясь на то, что Машка не состоит в близком родстве с Батахаевым. Были запрошены шуленги, которые разошлись во мнениях. Шуленга Ашахабатского рода признал Машку правоспособным, ибо он с ответчиком «одного роду, одной пятидесяти»⁴⁷. Шуленга же «Кугурдеева роду» не согласился со своим коллегой: «А бакунаеву сыну Машке за ответчика Олекчинка к шерти итти нельзя для того, что де в их братских правах за убитого человека давать к шерти из ближних родственников, а не из дальних»⁴⁸. В результате для дачи шерти было назначено другое лицо.

Право на шертование за сородича ограничивалось одним разом, но лишь в случае выступления по делам равного значения. В споре между ответчиком и истцом о назначении к шерти Шебухана Буркиева первый утверждал: «дать его, Шебуханка, нельзя, потому что де по их братским извычаям один человек также за одного человека в другой ряд к шерти не ходит». Но истец возражал: «для чего ему, Шебуханку, о человеке не шертовать, по лошади де он, Шебуханко, за него ответчика шертовал». К этому последнему суждению присоединились и запрошенные по делу шуленги⁴⁹.

Существовало еще одно ограничение, обуславливавшееся взглядом на шертование как на тяжелое и ответственное дело: старики, как правило, к шерти не допускались. «...а старым де было Кучейку и его ответчикову брату Галюганке к шерти нейти», — говорится в одном документе⁵⁰.

Весьма многочисленны случаи неявки к шерти, рассматривавшиеся как свидетельство вины. Примером может служить следующее заключение: «А Бакуйнака Алаков сродича своего к божбе в том приданном скоте божитца не привел... И по сыску ему Бакунайку в том деле отказано против братских прав»⁵¹. Аналогична жалоба Барана Батахаева на непривод его племянника истцом к шерти⁵². Иногда уклонение от шертования сопровождалось признанием вины и заключением мировой. Так, в 1690 г. «мунгальские выходцы» Гаму-батор с товарищами украли у мунгальского же выходца Ухутая Гумурзина три коровы. По челобитью пострадавшего воры были приготовлены к даче шерти. «И они «Гаму-батор и зайсан с товарищи, зная кражи своей вину, к шерти не пошли, а отдали они три ж коровенки»⁵³. О страхе перед последствиями шертования и о серьезном отношении к этому акту свидетельствует заявление группы бурят; «...у нас де того мужика, который к шерти идет, из юрты не пушают, потому что де по нашей вере дело большое»⁵⁴.

Приведенные данные частично восполняют пробел в изучении обычного права западных бурят, освещая его нормы, сложившиеся в тот период, когда пережитки родовых отношений еще играли большую роль в жизни бурятского общества.

⁴² № 203, л. 25.

⁴³ № 201 (ст. 514), л. 113.

⁴⁴ № 405 (ст. 521), л. 95.

⁴⁵ Там же, л. 14.

⁴⁶ Там же, л. 32.

⁴⁷ № 450 (ст. 598), л. 11.

⁴⁸ Там же, л. 19.

⁴⁹ Там же, л. 3, 4, 10, 11.

⁵⁰ № 203, л. 25.

⁵¹ № 405, (ст. 521), л. 27.

⁵² Там же, л. 14.

⁵³ № 236, л. 75.

⁵⁴ № 145 (ст. 271), л. 24.